

3.3. Ф.И. Чудаков (1888–28.02.1918).

«Я не писатель. Я — звено великого народа».

Через несколько дней после кровавых событий город по-прежнему во власти вооруженных красногвардейцев. Они безнаказанно грабят, убивают, арестовывают всех, кого посчитают врагом, и расстреливают даже похоронные процессии. Но, несмотря на это, проводить в последний путь семью Чудаковых собирается полтысячи человек!

Да, трагическая смерть поэта и его семьи потрясла горожан даже на фоне кровавого разгрома. Но дело не в смерти, дело в жизни — короткой и яркой жизни Чудакова, самые плодотворные годы которой прошли в Благовещенске.

«Да здравствует Свобода!»

...Если Федор Иванович был когда-то счастлив, наверняка, в дни февральской революции 1917 года.

Он — ответственный секретарь и один из самых активных авторов благовещенской газеты «Амурское эхо» (до 1792 номера газета выходила под названием «Эхо»). По-прежнему, как и все восемь лет, что он живет в Благовещенске, почти в каждом номере под рубрикой «Маленький фельетон» Чудаков публикует стихотворные комментарии на злобу дня. В первом номере «Амурского эха» за 1917 год — «Элегию», а в ней такие строки:

На стенке новый календарь
Висит отменно франтовато.
Опять январь.
Ура, ребята!
Опять надежды полный груз
В душе мы бережно скрываем...
Двенадцать! Ну-с!
Мы отплываем!
Куда нас курс теперь ведет?
Куда плывем? К какому порту?
Назад? Вперед?

Иль в зубы к черту?

Туманна даль. Нет маяков...

Нигде луч света не маячит...

Федор Чудаков сам как маяк для тех, кто равнялся на него. Оптимист, талант, верный своим принципам, он сострадал несчастным и клеймил бесчестных, он не прислуживал богатым и поэтому ему верили...

Вся Россия в напряженном ожидании. И вот февраль 1917 года. «Амурское эхо» пишет: «Уже четыре дня с телеграфа не поступает никаких сообщений кроме телеграмм с французского и итальянского фронтов. Не было три дня сообщений от русского штаба (идет Первая мировая война 1914–1918 годов). Вечером 28 февраля разнесся слух, что военная цензура задержала телеграммы из Петрограда. Ждали утра.

Утром не поступило никаких телеграмм. Настроение создалось самое угнетенное. Перо валилось из рук. Один вопрос заполнил ум и душу: что происходит там? До слез обидно: в десяти шагах (редакция газеты в доме рядом с почтамтом) лежат запечатанными сведения о судьбе родины — арестованные.

Настала пятница (3 марта). Свершилось: разрешили раздать телеграммы! И вот они перед нами. И не стыдно, что льются слезы на эти листки, исписанные такими необычными для «обывательского» глаза словами».

Весть облетела весь город. К 10 утра около редакции «Амурского эхо» собралась толпа: здесь в экстренном порядке писали и вывешивали плакаты, на них — суть каждой новой телеграммы.

В 12 часов в Народном доме — объединенное заседание общественных организаций. Председатель собрания — Ф.И. Чудаков. Говорили о необходимости организации верховного комитета, который бы взял в свои руки центральную власть в городе и области.

В 17 часов первый митинг — в Общественном собрании. Решили приветствовать Временное правительство, сохранять порядок, освободить политических заключенных, создать народную милицию.

Вечером делегации от граждан собрались в Народном доме, обсуждали «текущий момент» и план действий.

На следующий день, 4 марта, горожане выбирали членов городского комитета: в театре голосовало 1292 человека, в «Мираже» — 1110, в Романовском училище — 702, в Народном доме — 253. Всего 5357 человек. В числе избранных — Ф.И. Чудаков.

Федор Чудаков в гуще событий как репортер, общественный деятель, член партии эсэров. Настроение у него невероятное: сбылось то, о чем мечтал, о чем так много и страстно писал, то, ради чего претерпел ссылку, тюрьмы.

Четвертый день в душе трезвон!

И солнце светит взору!

Какой возможно фельетон

Писать в такую пору?

Я не писатель. Я — звено великого народа!

И я могу писать одно:

Да здравствует Свобода!

Да здравствует Свобода!

Да здравствует Свобода!

Свобода!¹⁴

Пройдет год. «Именем революции и во исполнение воли трудового народа комитет советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет в виду контрреволюционной деятельности буржуазной газеты «Амурское эхо» и предательской роли, которую она играла в рабоче-крестьянской революции, Благовещенский исполнительный комитет постановил приостановить газету «Амурское эхо» и типографию конфисковать и передать совету. Председатель Мухин».¹⁵

Но пока на календаре март 1917-го: всеобщее ликование и лихорадочное созидание новой народной власти.

5 марта на общем собрании учащих и учивших (т.е. учителей) Благовещенска избрана комиссия, которая «будет ведать всей педагогической постановкой в городе и в области в зависимости от власти комитета безопасности, от которого комиссия должна получить полномочия» (в комиссию вошла жена Ф.И. Чудакова Варвара Ипполитовна; 11 марта она будет избрана членом исполкома Амурского учительского союза).

¹⁴ Амурское эхо. 5 (18) марта 1917.

¹⁵ Дальневосточные известия. 9 марта (22 февр.) 1918.

7 марта на общем собрании учрежден союз тружеников типографского дела (членом правления избран Ф.И. Чудаков).

8 марта организовалась группа социалистов-революционеров, которая должна «объединить течения чистого эсэрства и левее» (в состав комитета группы избран Ф.И. Чудаков).

Собрания, на которых создаются союзы, избираются комитеты и делегаты, проводят кооператоры, «пожарники», «деревообделочники», портные, модистки, белошвейки, «шапошники», скорняки и шубники, официанты, прачки и извозчики; созданы Союз родительских комитетов (учебных заведений) и Благовещенский союз конторских служащих; обитатели городского окраинного района — Забурхановской слободы решили учредить профессиональный союз арендаторов...

О том, какой шок испытали в те дни состоятельные жители Благовещенска, Чудаков писал в фельетоне «Авдотья Андреевна». Опубликованный в январе 1918 года, он — яркая иллюстрация к событиям февральской революции 1917-го. Героиня фельетона — Авдотья Андреевна — возмущается:

...так наша Одарка. Дуреха, дикарка,
Презренное это созданье, —
Вдруг: «Барыня, ноне
Мы с горничной Соней
В двенадцать идем на собранье!
Собранье!!! О Боже! За что же, за что же
Такое для нас испытанье!
Ах, эти поганки! «Мы ныне гражданки!
У прачек, представьте, собранье!»¹⁶

Ф.И. Чудаков. 1910-е гг.

¹⁶ Дятел, беспартийный. 1918. №1.

Митинговали и собирались всюду. В отчаянии владелец электро-театра «Мираж» обратился в комитет общественной безопасности с жалобой против «захватного права устроителей митингов». Но на улице холодно, а собираться необходимо! Каждый, кто понимает, о чем речь, спешит «собрать и возглавить» массы, а «народ», естественно, хочет заявить о своих нуждах, чаяниях, требованиях. Были и другого рода резолюции. Вот, к примеру: «Общее собрание приказчиков торгового дома «Чурин и К^о» избрало комитет для поддержания внутреннего распорядка».

14 марта городская дума оглашается список общественных организаций, за которыми комитет общественной безопасности признал право присылать в Думу своих представителей. В их числе и Федор Чудаков. Он избран сразу в два думских органа: в совет лечебных заведений и в «противоалкогольный комитет (собственно, по устройству разумных развлечений)».

27 июля в Благовещенске проходило первое заседание вновь избранной городской — народной! — Думы. «Галерея, балконы, партер, ложи и даже сцена общественного собрания заполнены публикой. Настроение праздничное. И.Д. Прищепенко (председатель) открывает заседание. Отец Вознесенский (священник) обращается с приветственным словом, в котором указывает, что люди в общественной жизни, как бы они ни относились к религии, должны руководствоваться только истиной и правдой. Часть гласных приняла присягу от священника. Остальные гласные вместо присяги дают расписку. С.П. Никифоров (от меньшевиков) произносит приветственное слово. За ним на сцену выходит Ф.И. Чудаков (раздаются аплодисменты). Ф.И. Чудаков: «Мне поручено приветствовать новую Думу от Амурской группы партии социалистов-революционеров. Говорить о значении этого радостного события не приходится. Предстоит трудная работа. Амурская группа социалистов-революционеров обещает Думе свою защиту и поддержку (аплодисменты)».¹⁷

Да, на том заседании, судя по стенограмме, только Чудакову аплодировали еще до начала его выступления. Восемь лет назад никому не известным беглым ссыльным появился он на Амуре. Биографию имел короткую и, можно сказать, типичную для Благовещенска: детство, учеба, арест, ссылка, побег.

¹⁷ Голос труда. 29 июля (12 авг.) 1917.

«...Один, печальный, нелюдимый».

Родился Федор Чудаков в 1888 году в городе Чембар (ныне г. Белинский) Пензенской губернии (всего пятьсот верст на юг от Москвы).

Отец был сапожником, а сын — очень смышленным: в четыре года он уже знал азбуку. Учился Федор сначала в церковно-приходской школе, затем в городском четырехклассном училище. В программе закон Божий, чтение и письмо, русский язык и церковно-славянское чтение с переводом на русский язык, арифметика, практическая геометрия, география и история отечества с необходимыми сведениями из всеобщей истории и географии, сведения из естественной истории и физики, черчение и рисование, пение, гимнастика и даже краткий курс популярной медицины (в приключенческой повести «Дочь шамана» Чудаков со знанием дела описывает как герой повести оказывает медпомощь раненому).

Учился ли Чудаков где-то еще, неизвестно, но, как отмечают современные исследователи творчества сатирика, он имел «обширные познания в разных сферах жизни и культуры, был весьма начитанным человеком, обладал развитым эстетическим вкусом».¹⁸

После училища Чудаков пытается продолжить обучение или стать учителем церковно-приходской школы (для этого достаточно пройти испытания, то есть, экзамены). Не вышло ни то, ни другое. Федор начал работать писцом (почерк у него прекрасный) в полицейском управлении. Через несколько месяцев он стал письмоводителем у члена окружного суда. В 1905 году — первая русская революция! — Чудаков вступил в партию эсэров и занялся пропагандой.

Очень опасное занятие, но когда это обстоятельство останавливало молодых и убежденных? В 1910 г. Чудаков опубликовал рассказ из жизни пропагандистов «Записная книжка», наверняка автобиографический. Если коротко: двое с прокламациями ходят по селам, в одном селе крестьяне решили их задержать и препроводить куда следует. Тот из агитаторов, что постарше и опытнее, выкручивается из опасной ситуации с помощью... записной книжки. Он демонстративно записывает имена крестьян, обещая

---

¹⁸ Федор Чудаков. «Чаша страданья допита до дна!..» Владивосток, 2016. С. 10.

доложить начальству и т.д. При этом оба задержанных для пущей важности обращаются к друг другу так: «— Вы что-нибудь понимаете, Ксенофон Сократович? — Ничего не понимаю, Диоген Эмпедоклович!»

В тот раз пропагандисты сумели заморочить голову сельчанам и спаслись. Но так везло не всегда. В итоге Чудакова дважды арестовывали и один раз судили. Приговор: три года ссылки. Легко отделался. Вот в 1909 году рядовой Благовещенского резервного батальона Павел Усарев, по сути, за то же самое — хранение и распространение нелегальной литературы — был приговорен к 14 годам каторги!

Ссылку Чудаков отбывал в «местах весьма отдаленных»: Енисейская губерния, деревня Червянская (больше ста верст на запад от теперешнего Братска!). Глушь невероятная и сегодня. Как ссыльные туда добирались? Главным образом, пешком. «Грязь шлепает и ухаёт под ногами, брызжет тонкими струйками вверх и расплывается по халатам (арестантские халаты). Больно трут ноги коты (грубая обувь типа валенок). Черт знает, выдали какие-то броненосцы, прямо хоть слону, и нет онуч (портянки), и голое тело зудит и краснеет от постоянного трения. Вот-вот разотрешь до крови...» — это из воспоминаний самого Чудакова.¹⁹

Так и шли тысячи верст. По рекам ссыльных перевозили на тех же баржах, что и скот.

В ноябре 1910 г. Федор Чудаков, корреспондент благовещенской газеты «Эхо», пишет заметку по поводу только что случившихся волнений ссыльных в Туруханском крае, а в ней описывает собственный опыт. «Ссылка на поселение считается одной степенью легче каторги, на деле она хуже ее, так как обрекает поселенцев на медленное одинокое умирание в дебрях отдаленных местностей, разъединяет ссыльных вследствие жестокой конкуренции ради куска хлеба, обрекает на моральное опускание».²⁰

На поселении юный Федор прошел «университеты» выживания. Когда была возможность, охотился на зверей, выделывал и сдавал шкурки. Полученных денег хватало на какое-то время. Трагедией было, если добычу портили мыши или воровали злодеи. «Значит,

¹⁹ Амурский край. 18 (31) декабря 1909.

²⁰ Эхо. 2 (15) ноября 1910.

снова передо мной голодная зима, скитанья по селу в поисках работы, возня с детишками, которых отцы желали выучить грамоте, но забывали за это платить. Опять унижения, выклянчивания, опять попреки долгами», — пишет Федор Чудаков в повести «Дочь шамана». Перебивался случайными заработками, а когда их не было, буквально голодал. «Я обладаю чертовски крепким организмом, поэтому хожу без всякого труда, а Виктор (тоже поселенец) расклеился. Четыре дня голодовки его свалили... Зимой у нас отобрали ружья — охотой можно было кормиться. Работы абсолютно никакой».

Что давало силы ссыльным выживать? Две надежды: на амнистию и на побег. Второе было реальнее первого.

В 1908 г. Чудакову удалось бежать. Через два года в сборнике «Пережитое» он публикует стихотворение «Побег». В первой части такие строки: «Наш длинный плот, плавучий караван, / Скользил вперед...» Дорогой на волю, скорее всего, стала река Мúра, на берегу которой и сегодня стоит деревня Червянка. Мúра — левый приток Ангары. Ангара впадает в Енисей. Отсюда, чтобы добраться до Красноярска, куда направлялся Чудаков, надо было плыть против течения. Но плот — не лодка. Скорее всего, дальше беглец шел пешком.

Я был один, печальный, нелюдимый,
Беглец, послушный лишь своей мечте...

...И думал я: окончены страданья,

Я волен вновь! И тихие рыданья

Спирали грудь и вырывались вон!

Да, я рыдал перед лицом природы

В глухой тайге, в преддверии свободы!

Под счастливой звездой родился Федор Иванович: не меньше семисот верст проплыл и прошел он по весенней тайге, где нечем кормиться, зато много голодных хищников. И патрули Енисейского губернского жандармского управления, которые специально выслеживали беглых на Ангаре и Енисее, его не заметили.

Однако, как он мог двигаться дальше, не имея документов? И денег, наверняка, тоже не было. Рассчитывать он мог только на помощь однопартийцев: у них были налажены связи и отработаны технологии побегов. Вот, к примеру, члены партии эсеров

Александр Прибылёв, Екатерина Бибергаль, Серафима Клитчоглу, которые на рубеже XIX – XX вв. жили в Благовещенске, тоже в разное время бежали из ссылки — Архангельской и Енисейской. На воле «своих» беглецов снабжали паспортами, билетами на пароходы и поезда, нужными адресами — где жить, куда устроиться на работу.

Кто, где и когда выправил Федору Чудакову фальшивые документы, неизвестно, но в Благовещенске первое время он жил по паспорту крестьянина Енисейской губернии Кузьмы Ивановича Резниченко. Вероятно, по совету товарищей по партии, он решил ехать на Амур: в Благовещенске, где в те годы царило смешение народов и племен, беглецу легче было затеряться.

В 1908 г. Чудаков уже проживает в амурской столице.

«Коренной бурхановец» Язва Чембарский.

Что такое Благовещенск в начале двадцатого века? Город безграничных возможностей для людей отчаянных и предприимчивых. Город рухнувших надежд для тех, кому не судьба разбогатеть или хотя бы найти «занятие за скромную плату», как писали тогда в объявлениях. Кроме старожилов-обывателей здесь циркулируют массы людей, которые ищут работы, земли, счастья, удачи. Тысячами приезжают переселенцы, оседают каторжане с сахалинской каторги, которую упразднили в 1906 г., со всей России, из Китая и Кореи едут работники на золотые прииски и строительство Амурской железной дороги, в предвкушении легкой наживы тянутся на Амур проходимцы, шулеры, бандиты.

Где нашел приют Чудаков? Поначалу в харчевне. Вот как описывает он свое пристанище в одном из номеров газеты «Эхо» за декабрь 1908 г.: «Я находился без работы и, не располагая достаточным запасом «свободной наличности», вынужден был поселиться в одной очень грязной, зато доступной по цене харчевне, какими изобилуют захолустные улицы Благовещенска. ... я лежал на грязном полу возле стойки, прикрываясь своими лохмотьями...»

«Захолустные улицы Благовещенска» — это Забурхановская слобода. Окраинный район, место обитания рабочих, ремесленников, мелких лавочников и прочей бедноты. Здесь довольно много жителей, склонных к выпивке со всеми вытекающими по-

следствиями: в один год, например, «бурхановцы» перебили все фонари в своем районе.

В апреле 1910 г. в «Маленьком фельетоне» под заголовком «Именины» Чудаков описывает, как мужик по имени Клим собирается на именинный обед по случаю основания Благовещенска, куда его, естественно, никто не звал. «...сама его манера собираться в путь доказывала, что он коренной бурхановец: Клим стал раздеваться. Стянул с себя старые бродни (высокие сапоги), потом штаны, завязал это все мочалкой, поднял подол рубахи до подбородка, сапоги со штанами взял под мышку и вышел. На дворе вода доходила только до колена, но на улице с первых же шагов пришлось погрузиться до пупа, а потом еще выше».

Конечно, сатирик утрирует, но совсем немного. Время от времени Бурхановка разливалась так, что заливала дома на улице Иркутской (сейчас — Горького). Последнее наводнение было в 1908 г., и память о нем еще была свежа. Ну, а грязь была невылазная почти повсеместно, за Бурхановкой — особенно.

Но нельзя сказать, что этот окраинный район оставался без внимания городских властей. Здесь была своя церковь во имя Пророка Илии — ее построил на свои средства золотопромышленник П.В. Мордин. В 1908–1909 гг. за Бурхановкой появилось сразу три одноклассных училища: Толстовское, Тургеневское, Ломоносовское. В 1910 г. городское самоуправление открыло здесь амбулаторию...

Как и многие «бурхановцы» Чудаков нашел себе работу не в слободке, а в центральной части города: он начал печататься в газетах «Торгово-промышленный листок объявлений», «Амурский край», «Эхо» и «Амурское эхо» (в последних трех изданиях был ответственным секретарем). Стихи и заметки поэт-сатирик подписывал псевдонимами Федор Ч., Амурец, Язва, Босяк, Кузьма Резниченко, К. Рез., Чембарский, Поселенец и другими.

Интересная деталь: в отличие от многих политических ссыльных, которых судьба заносила в Благовещенск, которые мечтали уехать на запад и после революции 1905 года поспешили за Урал, Чудаков как-то сразу ощутил себя здешним — амурским, благовещенским, «бурхановским» (через какое-то время он «выписал» к себе своего родного брата Дмитрия).

Только появившись в Благовещенске, Чудаков сразу активно включился в общественную деятельность. В городе множество разнообразных общественных организаций — от кружка любителей музыки до кружка спиритуалистов (Язва с Босяком постоянно высмеивали последних).

Одной из жертв начинающего сатирика стало местное отделение «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта». «... среди местной интеллигенции совершенно отсутствует интерес к амурской деревне, к ее нуждам духовным и материальным, к ее прошлому и настоящему, не говоря уже о путях ее дальнейшего развития или регресса, — пишет Чудаков под псевдонимом К. Рез. — ...Сибирь — страна деревенская *rac exelence* (преимущественно). Изучать Сибирь, игнорируя деревню, это равносильно праздному толчению воды в ступе», — написал он в газете «Эхо» в июле 1910 г.

Члены «Общества изучения Сибири...» — люди не богатые, но с образованием, амбициями и положением — обиделись, написали ответ, который разместили в той же газете, и, кстати, укорили автора, мол, чем критиковать, сам бы вступил в общество и поработал бы на благо Сибири. Чудаков ответил на это письмо достаточно резко и аргументировано, но не стал уговаривать себя дважды — вступил в ряды «сибиряков», регулярно публиковал отчеты об их деятельности, со временем стал секретарем общества. А в 1916 г., когда общество решило пополнить коллекцию городского музея (школьников планировали подключить к собиранию насекомых и растений, членов общества охотников просить «доставлять экземпляры птиц и зверей»), господину Чудакову поручили «собираание рыб». Как знать, возможно, в коллекции Амурского областного краеведческого музея сохранились экземпляры, пойманные лично известным сатириком.

Очень активным было благовещенское «Общество рабочих печатного дела». Печатники ставили спектакли (на вырученные деньги приобретали литературу для своей профессиональной библиотеки), организовывали чтение лекций (например, о происхождении человека) и благотворительные сеансы в электро-театре (сбор передавался в пользу общества печатников), выработывали требования к владельцам типографий по оплате и

улучшению условий труда, устраивали забастовки (для защиты своих интересов и переговоров с владельцами типографий нанимали юристов). Чудаков был знаком с печатниками по работе в редакциях, и, конечно, он с ними был заодно — такой же наемный работник печатного труда.

Чудакову был очень симпатичен «Кружок самообразования». Интересно, что в октябре 1909 г. на одном из собраний кружка обсуждался вопрос: допускать ли на заседания репортеров? А то они «семейные дела» на публику выносят. А в январе следующего, 1910 г., Федор Чудаков, пожалуй, самый яркий репортер Благовещенска, участвует в общем собрании кружка, его избирают в состав комиссии по проверке годового отчета. Кстати, в ближайших планах кружка была постановка спектакля, половина сбора от которого отдавалась в пользу нуждающихся переселенцев.

Участвовал Чудаков и в литературной жизни амурской столицы. В сентябре 1909 г. в газете «Эхо» публикуется «Открытое письмо к местным работникам печати». В нем излагается идея издать «литературно-научный сборник, который позволил бы соединить местные силы без различия их направлений и осветить по возможности главнейшие вопросы Приамурья и Сибири». Редакционный комитет приглашал к участию всех желающих. В числе комитетчиков Босьяк (Язва), или (как пишут в полицейских протоколах), он же Кузьма Резниченко, он же Федор Чудаков. Судя по этому факту, Федор быстро стал своим среди местных работников печати. Что до местных литераторов...

Когда бы амурские поэты
Носили рваные штиблеты,
Когда б от умных их голов
Так не несло одеколоном,
Я подошел бы к ним с поклоном
И предложил бы сто шагов
На зорьке сделать по бульвару,
И печь поэмы с пылу-жару...²¹

В этих ироничных стихах чувствуется легкая улыбка Чудакова: пусть местные поэты франты и богатеи, но у кого из них есть сборники стихов? А он очень быстро подготовил и выпустил в том

²¹ Там же. 12 (25) мая 1910.

же 1909 г. два сборника — «Пережитое» и «Шпильки». У них печальная судьба: оба издания были конфискованы.

«Идешь в тюрьму, как в гости...»

В 1918 г., в журнале «Дятел, беспартийный», Чудаков пишет: «До сих пор (десять лет прошло!) еще сказывается привычка: как приедешь в какой-нибудь незнакомый город, первым делом стараешься узнать, где находится тюрьма, сидят ли политические отдельно, по каким дням бывают свидания и т. д. Пока пробьет час жандармского визита, глядишь, ты уже находишься в курсе дела и идешь в тюрьму, как в гости к хорошим знакомым».

По прибытии в Благовещенск он, наверняка, тоже навел соответствующие справки, и, как в воду глядел. Как вспоминал сам Чудаков в 1918 г., в начале января 1909 г. «я отправился в тюрьму». Как политический. По какому поводу отбывал заключение Чудаков в то время, он не уточняет. Может быть, «за компанию»? В январе–мае 1909 г. «Амурский край» одну за другой размещает заметки об арестах по политическим делам, которые «жандармские власти» проводили в Благовещенске, в Томской и других волостях. Среди задержанных несколько учителей, студент Санкт-Петербургского университета, заведующая библиотекой, акушерка. Кого-то из них отпускали без всяких объяснений, кого-то — под залог, но в основном отправляли «под арест».

Удивительно, но в тюрьме было не так плохо, как, например, в ссылке. Вот как вспоминал, спустя девять лет, это время Чудаков. «В 1909 году политические благовещенской тюрьмы помещались в особом маленьком домике, во дворе. Когда я пришел туда, там сидела вся благовещенская группа эсэров... Сидеть было сносно. Камеры были открыты весь день. Надзирателей к нам назначали добродушных. Плохих, как мне передавали, публика бесцеремонно выставляла из своего корпуса. Свидания были еженедельные, «личные», не через решетку. «Передача» поступала обильная. Почта была налажена прекрасно и приходила раза два в неделю. Газеты «Эхо» и «Амурский край» получались регулярно. Книги пропускали почти беспрепятственно. Жить, да Бога славить...»²²

Читая «Амурский край» 1909 года номер за номером, можно предположить, что Чудаков, сидя в тюрьме, писал для газеты. Не

²² Дятел, беспартийный. 1918. №4.

так часто, как обычно, но все же в феврале, марте, апреле в издании появляются очерки и стихотворные фельетоны Язвы, Босняка, Гусляра.

Мало того, он в тюрьме организовал выпуск рукописного «капризно-периодического» издания — журнала «Арестант». Идея сокамерникам понравилась: среди них нашлись желающие писать, рисовать, работать за типографию, то есть, переписывать готовый номер в нескольких экземплярах. Тираж первого номера — четыре «Арестанта». «Ф.И. работал во всю: стихи, проза, басни, шаржи так и лились из-под его пера», — вспоминал в 1918 году товарищ по заключению эсэр И.М. Сивков. «Были передовицы, хроника, телеграммы — все честь честью», — вспоминал тогда же Федор Иванович.

Это был парадоксальный опыт: один из идеалов всех революционеров — свободу — Чудаков обрел... в заключении! «Вспомню и кажется мне, что никогда и нигде в мире не существовало такой совершенной, такой абсолютной свободы печати, как в благовещенской тюрьме в январе 1909 года, — пишет он в начале февраля 1918 г. — Мы тогда не знали ни черных, ни красных цензоров, ни трибунала, ни судов, ни самосудов, никаких ограничений. С прокурором мы считались лишь как с объектом сатиры и карикатуры. Суд нас интересовал лишь постольку, поскольку имел отношение к нашим процессам. Нас не страшили ни штрафы, ни конфискации. Поистине, это были лучшие времена моей публицистической жизни. Поистине, только там, в маленьком деревянном корпусе посередине тюремного двора можно было отрешиться от эзоповского языка и кукишей в кармане и называть любую вещь настоящим именем».²³

Кстати, пример политических, которые издавали «Арестанта», «увлек и уголовных — те тоже начали издавать свой журнал, но со специфическим направлением. Бывший в то время старостой уголовных Ф. Мухин (будущий председатель совнаркома) участия в журнале этом не принимал», — вспоминал И.М. Сивков.

Чудаков, кстати, уголовных терпеть не мог. Его возмущал «...наплыв в места ссылки типичных представителей уголовщины, сосланных под видом «политических», их безнаказанность

---

²³ Дятел, беспартийный. 1918. №7.

(шайки бандитов держали в страхе целые волости) и растлевающее влияние на молодежь, когда под воздействием освобождавшихся из мест заключения уголовных обычные крестьяне становились ворами и убийцами. Можно представить, каким шоком для Чудакова и его товарищей из числа эсэров и эсдеков было появление уголовного старосты Федора Мухина во главе новой — советской — власти в Амурской области в 1917 году!

...Потом была конфискация сборника «Шпильки», изданного в 1909 г. «Главному управлению по печати так не понравился сборник «Шпильки», что оно через прокурора распорядилось приобрести все издание для нужд правительства и тщательно сохранять его в архивах жандармского управления, — вспоминает много лет спустя Чудаков. — Приобретение состоялось, как говорится, «даром», ибо денег автору не заплатили, но так как все-таки неловко было ничего не заплатить, то автору дали в виде единовременного пособия шесть месяцев тюрьмы. Автор был недоволен».²⁴

В апреле 1910 г. была конфискована «книжка лирических стихов Босяка под названием «Пережитое». Тогда же окружной суд приговорил Ф.И. Чудакова (Босяка) за побег из ссылки «к двум неделям ареста при помещении полиции».

Получается, в Благовещенске Чудаков сидел в тюрьме, как минимум, три раза: неизвестно за что в начале 1909 г., за побег из ссылки — в 1910 г., за сборник стихотворений «Шпильки» — в 1912 г. (правосудие было неспешным).

Нет худа без добра — Федор Иванович избавился от фальшивого паспорта и выправил новый документ, правда, с отметкой о судимостях, с указанием мест, в которых ранее судимые не имели права появляться.

Социальный статус Чудакова оставался прежним — ссыльно-поселенец Енисейской губернии.

«У нас есть право требовать!»

Чтобы продолжить рассказ о Федоре Чудакове, нужно вернуться на несколько лет назад. В конце сентября 1909 г. газета «Эхо» опубликовала заметку о том, что в городском одноклассном училище имени Л.Н. Толстого (за Бурхановкой, по 2-й улице, бывший дом Чепурина) приступила к работе учительница

²⁴ Дятел, беспартийный. 1918. №3.

В городском училище им. Л.Н. Толстого.²⁵

В.И. Протопопова («Эхо» систематически отслеживало назначение, увольнение, перемещение учительских кадров области). В училище учились только мальчики из семей рабочих и других малоимущих слоёв, поселившихся в новых кварталах Забурхановской слободы. В Толстовском училище Варвара Ипполитовна преподавала до февраля 1918 г., а в мае 1910 г. замещала заведующую, которая с группой учащихся народных школ Благовещенска уехала на курсы в Москву и Санкт-Петербург.²⁶

Гражданский муж Варвары Протопоповой Дмитрий Чернышёв был болен туберкулезом. Наверное, давно и тяжело, наверное, устал страдать и быть иждивенцем. Он покончил жизнь самоубийством.

Чудаков был знаком с обоими. В сборник «Пережитое» он поместил несколько стихотворений, посвященных памяти Дмитрия Чернышёва.

Наверняка это была не первая подобная трагедия, с которой Чудаков столкнулся так близко: среди ссыльных и поселенцев самоубийства были не редкостью. Как и в целом в России. Самоубийства среди учащихся время от времени принимали форму

²⁵ Предположительно: на фотографии, на заднем плане (слева) стоит Варвара Ипполитовна Чудакова; фотографировал Ф.И. Чудаков. 1912 г.

²⁶ Эхо. 12 (25) мая 1910.

эпидемий. Самая распространенная причина... отсутствие интереса к жизни! Одна из заметок Чудакова о самоубийствах называется «На безнадежную тему», а речь в ней идет об... экскурсии гимназисток в Японию, которую организовала одна из читинских гимназий.

«Сегодня отравился гимназист... Застрелилась гимназистка... Бросилась под поезд... Долго не позабыть хабаровских самоубийств (среди учащихся), — пишет Чудаков в июне 1910 г. — Среди охов и поздних сожалений двое-трое заглянули «в корень», крикнули: дайте воздуха и света, ибо темно в жизни нашей средней школы! Откройте вентиляторы! Не бойтесь сквозняка! Он опасен подагрикам и малокровным, а наше юношество еще сильно!

Организуйте экскурсии и верьте: меньше будет уродов нравственных и реже будут греметь револьверные выстрелы. Организуйте экскурсии!»²⁷

Кому-то вывод автора может показаться нелепым, но, по сути, он прав: молодежи нужны поддержка старших (например, в организации экскурсий) и — обязательно! — масса новых впечатлений (например, об окружающем мире). Иначе в чем найти опору, как разглядеть путеводный маяк?

Чудаков истово верит в силу народного просвещения, много пишет на эту тему, затрагивая и очень болезненные ее стороны. Одна из них — подбор учащихся, как тогда называли учителей. «Кто просвещает нашу деревню? Что представляет из себя амурский народный учитель? Подобный вопрос был бы смешон в Европейской России, где образовательный ценз для учителя уже более-менее величина определенная. У нас же не то. Постороннему человеку трудно вообразить, какая пестрота наблюдается среди наших народных учителей». Чудаков рассказывает о сельском учителе, которого даже крестьяне считают ненормальным (по несколько дней школа стоит закрытая, потому что учитель «ищет, где бы невесту найти», а приобретенный для школы физический кабинет («стоил он 500 рублей») разломан, разбросан, роздан детям «для игрушек»; об учителе, который организовал торговлю старыми грифельными досками под видом новых; об учителе, который занимался контрабандой и т.д.

²⁷ Там же. 1 (14) июня 1910.

«Развенчивать и разоблачать деятельность учителя, значит рыть могилу для его авторитета среди учеников, а с гибелью авторитета гибнет интерес учащихся к школе и иногда даже к самому просвещению.

Но с другой стороны и замалчивать темные стороны ученической жизни невозможно. Молчать о вопиющих фактах, имеющих место в преподавательской деятельности какого-нибудь Икса, значит сознательно содействовать преступлениям этого икса перед учениками и их родителями».²⁸

На вопрос «Кто виноват?» Чудаков дает однозначный ответ. «Эта школа не миф, а учитель, помилуйте, тем более какой это миф, если об этом знает вся волость, даже, может, в городе. Не знает, конечно, только инспектор. Да и зачем ему знать? Школа есть, учитель есть, расписка учителя в получении жалованья есть, ну и... «что же тут раздумывать?»».²⁹

На вопрос «Что делать?» Чудаков отвечает так. «Нужна учительская семинария. Город будет осуществлять проект всеобщего образования (этот вопрос обсуждался на заседании городской Думы и был отправлен в более высокие инстанции). Новые учителя будут нужны. А где их взять? Учительскую рать вербовать положительно не из кого. ...Открытие у нас учительской семинарии — это самый ближайший очередной вопрос народного образования нашей области».³⁰

Убедительные слова журналиста не пропали напрасно: 1 июля 1913 года в Благовещенске была открыта учительская семинария.

Публикации на темы просвещения не единичны и не случайны. Чудаков из года в год, что называется, ведет эту тему, не ограничиваясь констатацией отрицательных фактов, рисуя картину в целом, глобально и с перспективой на будущее Сибири (все, что лежало восточнее Урала, тогда называли Сибирью).

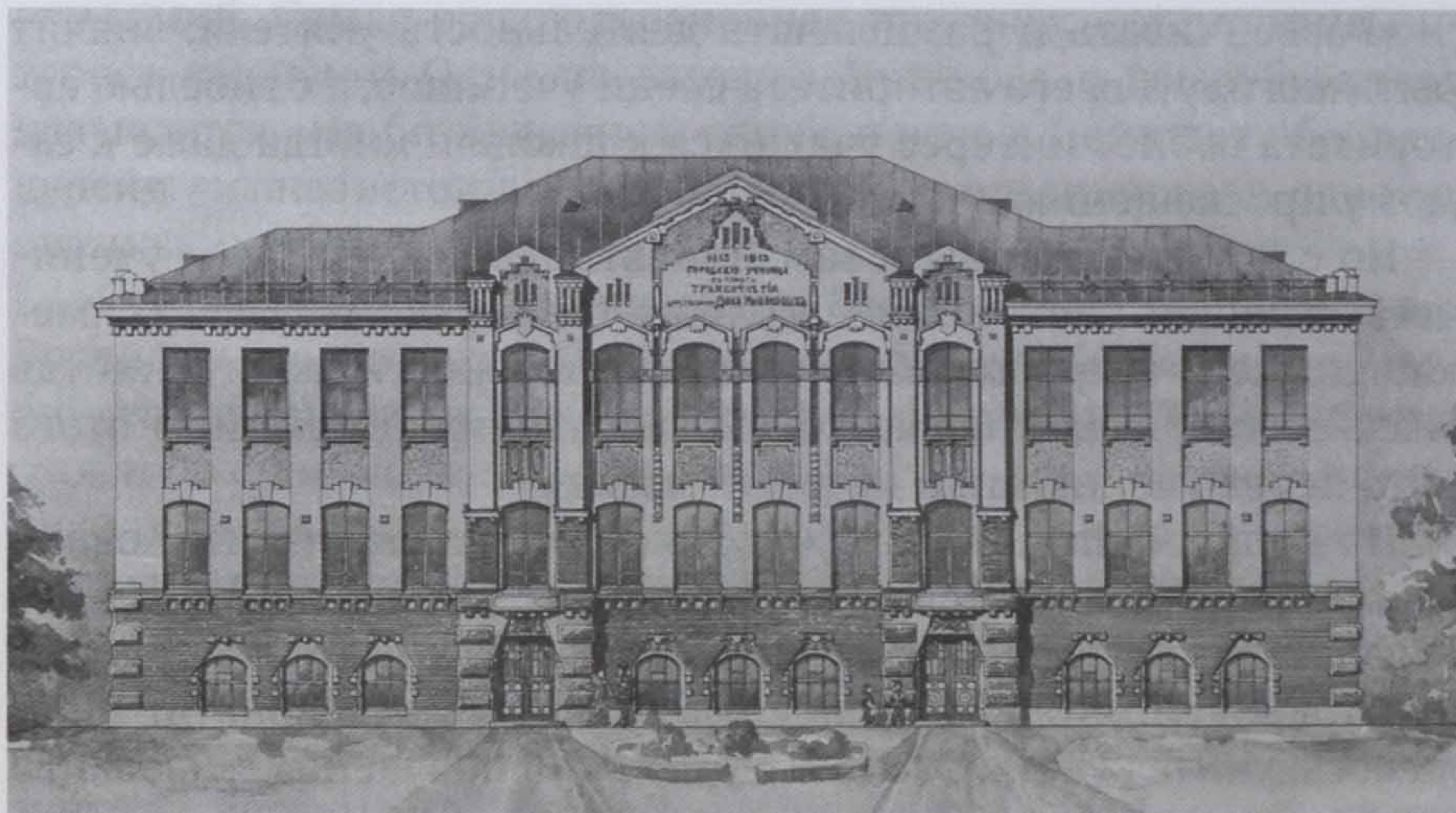
«К нам, как в бездонную бочку, валят уголовных ссыльных, — мы молчим.

К нам ссылают безземельных крестьян, — помалкиваем.

²⁸ Там же. 8 (21) декабря 1910.

²⁹ Там же. 28 ноября (11 дек.) 1910.

³⁰ Там же. 14 (27) сентября 1910.

Училище в память 300-летия Дома Романовых (проектный чертеж).

А когда мы говорим — дайте же нам хоть малую толику чего-нибудь хорошего, — ну, земство, или школу, — правительство в свою очередь помалкивает. Или ограничивается одними обещаниями».³¹

Современники, которые читали эти строки Чудакова, наверное, соглашались с ним (хотя сторонниками народного просвещения были тогда далеко не все), однако, разводили руками: если столица денег не выделит, то где мы сами-то их возьмем?

— А вот где! — не унимается Чудаков, и пишет о торжествах по случаю 300-летнего юбилея воцарения Дома Романовых, которые пройдут по всей России в 1913 году. Естественно, из городского бюджета на этот грандиозный праздник будет ассигнована порядочная сумма. «На какие же цели уйдет эта сумма? — задает вопрос Чудаков. — Будет ли это пышный трескучий фейерверк, мимолетный, красивый, но бесполезный? Будет ли это именинный обед с шампанским и прочими возлияниями, сытный, веселый, торжественный, но бесплодный? Или же Дума сделает что-то другое — прочное долговечное, полезное?

Мы этого не знаем. Но мы знаем, что у нас есть право, чтобы городские деньги служили нуждам города. У нас есть право требо-

³¹ Там же. 12 (25) ноября 1910.

вать, чтобы во всяком национальном торжестве, празднуемом на наши деньги, участвовали все плательщики.

И так как это наши права, в частности, мое право, то, да позволено мне будет предложить вниманию городского самоуправления следующий способ чествования названного юбилея: на ассигнованные для торжества деньги должна быть выстроена хорошая школа! Это будет лучшим памятником, лучшим употреблением юбилейных денег. Для увековечения случая, послужившего поводом и основанием такой школы, можно было бы назвать ее в честь Царственного Дома — «Романовскою».

Это будет если не вечный, то долговечный памятник, достойный нации, вступившей на путь культурного развития».³²

Редкий случай, когда вовремя озвученная идея нашла свое воплощение в камне. В Благовещенске на улице Лазо (бывшая Корсаковская) стоит здание, строительство которого началось в 1911 г., а закончилось в 1913 г. На его фасаде в свое время было написано: «1613–1913. Городское районное училище в память 300-летия Дома Романовых». Первым высказался за такой юбилейный подарок Федор Чудаков и уже поэтому он достоин памяти и уважения.

С благодарностью надо вспомнить и Варвару Ипполитовну: это ее рассказы из школьной жизни облекает в форму газетных статей Чудаков, это с нею он обсуждает проблемы и перспективы народного образования.

«Читатель! Скажи откровенно...»

В целом в Благовещенске жизнь вчерашнего ссыльного вошла в благополучное русло. У него появилась семья: 7 мая 1910 г. ссыльнопоселенец Енисейской губернии Канского уезда Выринской волости села Червянского Федор Иванович Чудаков, православного вероисповедания, 22-х лет, первым браком обвенчался в Пророко-Ильинской церкви (она недалеко от Толстовского училища) с дочерью чиновника Варварой Ипполитовной Протопоповой, православного вероисповедания, первым браком, 21 года. Поручителями «от жениха» были Михаил Сергеевич Соловейчик (из ссыльных, коллежский секретарь, секретарь Сиротского суда, сотрудник местных газет), крестьянин Иркутской губернии Киренского уезда Подкаменской волости Яков Николаевич Николаев (конторщик

³² Там же. 8 (21) сентября 1910.

газеты «Амурский край», член Амурского отдела «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта»). Поручителями «по невесте» записаны сын коллежского асессора Валентин Романович Раевский и священник Константин Александрович Смирнов.³³

Живут молодые там же, в слободке: самый ранний адрес, который удалось обнаружить, это «за речкой Бурхановкой, 1-я улица между Мастерской (сейчас — Шевченко) и Торговой (сейчас — Б. Хмельницкого), дом А.И. Толстыгина, 69.³⁴

20 сентября 1911 г. у Чудаковых родилась дочь. Назвали Наташей. Воспреемниками новорожденной стали «хабаровский мещанин Николай Филиппович Губанов (редактор-издатель газеты «Эхо», в которой работал Ф.И. Чудаков), дочь чиновника Мария Ипполитовна Протопопова (судя по всему, родная сестра Варвары Ипполитовны) и дочь крестьянина Смоленской губернии, Духовинского уезда Татьяна Павловна Богданова.³⁵

Материальное положение семьи становилось все более благополучным: у Варвары Ипполитовны стабильный заработок в училище плюс она занимается репетиторством, Федор Иванович получает зарплату как ответственный секретарь газеты и гонорары как автор множества заметок, очерков, фельетонов. Чудаковы перебираются из-за Бурхановки «в город»: в 1915 г. они живут по адресу ул. Мастерская, 61, в 1916 г. по адресу Торговая, 49.

Странно, но, когда собственная жизнь Чудакова становится устроенной и благополучной, он, неисправимый оптимист, способный найти выход из самой сложной ситуации, тот, кто умел поддержать и вдохновить обессиленных, разочарованных, отчаявшихся, вдруг сам впадает в уныние. Об этом стихотворения, которые он публикует одно за другим.

Помню, умный и толковый

Был он парень в 20 лет.

И Марусей Чесноковой

Был он назван «наш поэт»...

«Наш поэт» писал эклоги,

Иногда слегка ворчал,

³³ ГААО. Ф. 29-И. Оп. 3. Д. 656. Л. 105.

³⁴ Памятная книжка Амурской области на 1913 год. Благовещенск, 1913. С. 62.

³⁵ ГААО. Ф. 29-И. Оп. 3. Д. 710. Л. 188.

Посидел слегка в остроге,
Покрутился, покричал.
А теперь он — член свиарни,
Папа пары поросят.

- - -

И с едкой и горькой насмешкой
Захлопнул я старый альбом.
Я сам теперь стал сыроежкой
Трухлявым и склизким грибом.
Вонюче-зеленая плесень
На старом изъеденном пне.
Ни горьких упреков, ни песен
Сюда не доносится мне.
Больной, бесконечно усталый
Я — раб гробовой темноты.
Протухли мои идеалы
Как бочка соленой кеты.³⁶

А вот еще одно под рубрикой «В тисках времени», в котором так явно звучат мотивы апатии, усталости от однообразной, серо-будничной жизни:

Тощие книжонки, пифии бесполое,
Мелкие идейки, словно червячки:
Ползают под черепом скользкие и голые,
Чопорно бесполое, полные тоски.
Тошно и противно, скверно до истерики!
Где же наше счастье, черт его возьми?!
Рыться в глупых книжках, открывать Америки
В лужах книжной пошлости, налитой людьми?
Эти упражнения мозговой гимнастики
Я давно проделывал. Надо ли на bis?
В этих лужах плавают только головастики,
Только головастики шнырят вверх и вниз.
Разве лечь спокойно, вяло аплодировать
Фразам шарлатана, дрыгая ногой,
И с кривой усмешкою нагло симулировать
Счастье и покой?³⁷

³⁶ Эхо. 7 (20) ноября 1910.

³⁷ Там же. 29 июня (2 июля) 1910.

Может быть, это все-таки вымышленный герой? Неужели в 22 года можно так уничижительно говорить о себе и своих убеждениях? Конечно, можно, если ты по своим жизненным установкам идеалист, а окружающий мир — неправильный; он далек от совершенства и его нужно изменить. Чудаков — готов! Он не оставит борьбы за переустройство мира и у него есть оружие — печать!

У печати есть возможность

Довести их до стыда...

Власть бессильна в этой роли,

Вся надежда на печать!..³⁸

Здесь речь об амурских мукомолах, но подразумеваются и другие сильные мира сего. Чудаков убежден, что именно они — чиновники разного рода и власть предержащие, то есть, богатеи — враги всего лучшего и прогрессивного (из армии разного рода чиновников с сочувствием и уважением Чудаков пишет, пожалуй, только о таможенниках: их служба на Амуре была очень опасной и по-настоящему героической).

Чаще всего от острого пера сатирика достается гласным благовещенской думы. Он изображает их в виде рыбы, которую ловят в Амуре. «... Совокупными усилиями мы выволокли превосходного куртеева, весом пуда в три. ... Незнакомец вытащил сразу двух поповых. ... лошадь рванула вперед и буянов уже лежал на тротуаре. К вечеру пришли бурхановцы с неводом. Растянули невод во всю ширину улицы и повели. Результаты были прямо-таки удивительные. Никто еще с сотворения мира не видел таких крупных бабиных, таких колких дулетовых, таких прытких соколовых.

— Будет уха! — вопила во весь голос Бурхановка.

Будет-то будет, да что толку в ней, в этой ухе».³⁹

Он пишет о думцах, как о чем-то, что не стоит внимания в силу бесполезности их споров, псевдо обсуждений злободневных для обывателей (а не для них!) тем.

Читатель! Скажи откровенно:

Ты ждешь о скандале вчерашнем,

О думском вчерашнем скандале

Веселого отзыва? Милый!

³⁸ Амурское эхо. 14 (27) декабря 1916.

³⁹ Там же. 22 июня (5 июля) 1910.

И рад бы тебя позабавить,
Да знаешь ли, очень уж скверно
Ломать фельетонные перья
На старых, изъезженных темах...⁴⁰

(Дальше перечень фамилий гласных городской Думы).

Нередко он выставляет думцев идиотами. «Гласный Бородин чертовски серьезный и никакого баловства не переносит (по словам Бородина, проблемы справедливой оплаты труда, нужды переселенцев, городское благоустройство — баловство).

Встретился Бородин с другим гласным и спрашивает:

— Верно, ведь я о нуждах города пекусь и умным человеком почитаться должно?

— Ну, это, — говорит тот, — баловство будет».⁴¹

Гласные, в представлении Чудакова, в общем, балаболы. И в самом деле, нередко они слишком много времени тратили на пустые прения. Но в экстремальной обстановке февраля-марта 1918 года члены городского самоуправления (среди них немало вчерашних думцев) показали себя с самой лучшей стороны, создав в Сахаляне, по сути, «правительство в изгнании», взвалив на себя заботы об устройстве жизни бежавших за Амур благовещенцев. Что мешало им поделить городскую казну и скрыться в неизвестном направлении? Ответ: честь, чувство долга и ответственности, надежда на скорое возвращение на Родину.

О богатеях Чудаков писал тоже язвительно, но иначе, чем о думцах: оперировал цифрами и фактами. К примеру, в сентябре 1909 г. благовещенские мукомолы в докладе комиссии шталмейстера Гондатти заявили «о своих нуждах». «Нужды мукомолов! Это звучит гордо! Это звучит все равно как «Честность шулера!», — возмущается Чудаков. — ...Благовещенский мукомол... Это неограниченный деспот местного мучного рынка.

— Обложить пошлиной ввозимую из Маньчжурии муку!

То есть, убрать с дороги сильного конкурента, отравляющего наслаждение властью!

— Это, — говорят нуждающиеся, — в интересах прогресса, в интересах амурской промышленности.

⁴⁰ Там же. 4 (17) июня 1910.

⁴¹ Там же. 18 (31) мая 1910.

Ну, хорошо, обложим маньчжурскую муку пошлиной. А зерно? — Сохрани, Боже! Да ежели зерно обложить, тогда что же? Тогда одно свое амурское зерно покупать нужно будет, а это чем пахнет?

В нынешнем году мукомолы вывезли из Маньчжурии 4 000 000 пудов зерна. То есть, уронили амурское зерно до минимума. А обложи-ка зерно пошлиной, покупай-ка зерно амурское. В какую это копеечку вскочит?

Небось тогда пароходной флотилии не построишь!»⁴²

Конечно, в требованиях мукомолов можно найти повод для сарказма. Но ведь есть повод и для гордости: благовещенские мельницы в то время были одними из самых современных в мире! Благовещенск по объемам переработки зерна вошел в тройку крупнейших в России! Да, покупали зерно не только у амурских крестьян, но и в Маньчжурии, обеспечивая работой высококвалифицированных специалистов, и это были не китайцы.

Постоянно высмеивает Чудаков руководителей строительства Амурской железной дороги (конечный участок Транссибирской магистрали — около 2000 верст от станции Куэнга в Читинской области до Хабаровска — строился с 1907 по 1916 гг.), владельцев пароходов (по рекам Амурского бассейна ходило около 200 пароходов и барж), магазинов (лучшие благовещенские магазины убранством и организацией работы поражали воображение европейских и американских путешественников), даже экспедицию шталмейстера Н.Л. Гондатти, которая в течение трех лет (1909–1912) изучала прилегающую к линии Амурской железной дороги местность, чтобы выяснить её пригодности для заселения и хозяйственной деятельности. (Результаты той экспедиции использовались потом многие годы и при царе, и при советской власти.)

И ведь как смешно писал, критикуя, например, «результаты» долгожданного железнодорожного сообщения.

У нас теперь, по воле Бога,
Прошла железная дорога,
Сплошной чугунный анекдот:
То самый путь размоют воды,
То лопнут все водопроводы,

⁴² Там же. 24 сентября (7 нояб.) 1910.

То вдруг обрушатся мосты...

Войдешь в вагон — там, как сельдей

Народу. Скрежет, плач и стоны!

Зато под диких медведей

Дают отдельные вагоны.

И ведь правду писал: вагон сошел с рельсов, пароход отчалил не по расписанию, канализации в городе нет, школ не хватает... Разве этого не было? Мгновенно реагируя на тот или иной факт заметками и фельетонами, Чудаков фиксировал факты, которые лежали на поверхности, не углубляясь, порой, в суть явления. В этом специфика работы репортера и, в какой-то мере, особенность характера.

«Я так обласкан царевной-ленью...»

Каким же был Федор Чудаков? «Лохматым» — первое, что бросалось в глаза. «Лохмат он был, действительно, до безобразия: шапка густых вьющихся волос вздымалась поверх головы двумя огромными копнами и украшалась на улице подобной блину замасленной кепи», — так говорили о его внешности современники. Буйные довольно длинные кудри — «опознавательный знак» вольнодумцев, разночинцев и представителей творческого племени — художников, поэтов. Нетипичная для того времени прическа — вызов общественному вкусу. С присущей ему самоиронией в 1910 году Чудаков написал о том, как тяжело живет человеку с пышной шевелюрой. «Ни в деревне, ни в городе я ничего, кроме ругани по своему адресу не слышал. «Волосатый какой!», «Ну и волосища!» Лошадь жевала его шевелюру, приняв ее за сено, на одной улице облили помоями, на другой мальчишки гнались, строя гнусные рожи. В общем, прохода не дают. Но он не собирается расставаться с кудрями и не печалится, а смеется. И над собой — лохматым, и над разными лысыми.

Гаснет свет. Закрыты двери.

Полусумрак, но в партере

Что минута — то светлей.

Свет со сцены, разливаясь

И от лысин отражаясь

Блещет ярче и сильнее...⁴³

⁴³ Федор Чудаков. Указ. соч. С. 177.

Часто, много и со знанием дела пишет Чудаков о рыбалке, рыбаках, самой разной рыбе. Причем, больше всего ему нравится не азарт добычи, а спокойствие и умиротворенность, которые часто сопровождают рыбную ловлю.

Лежу на гальке, смотрю на небо,

А дед упрямо твердит одно:

— Эге, сазанов ловити трэба

На хлеб из маслом! Ото воно!»

Сазанов? Как же! Но адски жарко...

А как приятно лежать в тени.

Сиди, беззубый, сазанья парка, —

А я бастую, уж извини.

Я так обласкан царевной-ленью

И так безумно в нее влюблен,

Что променяю икру тайменью,

Налимью печень на сладкий сон!⁴⁴

Да, очень часто лень — вторая натура трудоголика, каким, по сути, был Чудаков. Вообще фееричной сатире «разнузданного фельетониста», как сам себя называл Федор Иванович, удивительно не соответствовала его внешность и манера поведения. «Несуразная угрюмая фигура, днями сидевшая в угловой самой отдаленной комнате редакции, не встававшая из-за письменного стола прежде, чем был создан номер газеты, — рисует портрет Чудакова сибирский журналист Михаил Басов. — ...В его комнатке всегда толчея. Разговоры не умолкают. Репортеры делятся новостями, приходит и посторонняя, близкая редакции публика, все курят, спорят, перебивают друг друга, а Ф.И. молчит и пишет».⁴⁵

Писать он был готов на любую тему и предметом поэзии для него могло быть что угодно! Вот, для примера, четыре строки о дороге в Белогорье, куда благовещенцы обычно ездили «на пикник».

Было все до тошноты красиво:

Темных сопок круглые сосцы,

Грязь дороги, сломанные ивы,

Водка в фляжках, хлеб и огурцы...⁴⁶

⁴⁴ Эхо. 11 (24) августа 1910.

⁴⁵ Федор Чудаков. Указ. соч. С. 552.

⁴⁶ Эхо. 6 (19) июня 1910.

Или вот две строки о тюрьме, предельно ёмко и точно рисующие «атмосферу» тюремной камеры.

Часовые... Штыки. И параша в углу.

Что ты знаешь милей и душистей?⁴⁷

Или «песнь» о наслаждении копать червей! «Знаете ли вы, господа, сколько поэзии в таком неприятном на первый взгляд деле, как копание червей? О, это своего рода героическая поэма, где каждый взмах лопаты является сочной звучной строфой, а мелкие комья земли, взлетающие на воздух, рифмами».⁴⁸

О червяках Чудаков способен писать если не с любовью, то с энтузиазмом. А о тех, кто ему ненавистен, говорит с презрением, способным убить.

Прекрасный юноша! Тебе работать вредно.

Напрасно только силы надорвешь.

Ведь ты свой век привольно и безбедно

На средства папы проведешь!

О! Милый юноша! Расти на утешенье

Своей семьи. Паршивенький росток.

А от меня прими одно лишь приношение —

Плевок.⁴⁹

В страшном сне не мог представить Чудаков, что ему придется оттачивать перо сатирика, высмеивая вчерашних товарищей по борьбе.

«Дятел, беспартийный».

1917-й год. Слом старого, борьба за власть, война, восторг от происходящего, страх, а потом и ужас перед будущим. И отрезвление. Да, власть принадлежит народу, и у руля должны стоять революционеры, которые своими страданиями завоевали это право. Но к ним без зазрения совести примазываются все! «Крупный чиновник Икс записался в члены социал-демократической группы, в социал-революционную группу записался крупный чиновник Игрек». Чудаков пишет о них, сравнивая с продажными женщинами.

Вот один из самочинных
Результатов нашей встряски:

⁴⁷ Там же. 21 октября (4 нояб.) 1910.

⁴⁸ Там же. 19 августа (1 сент.) 1910.

⁴⁹ Федор Чудаков. Указ. соч. С. 49.

В москательных магазинах
Не хватает красной краски...

(В прежние времена «сурик и румяна» покупали «главным делом для шантана», а теперь «благородья» скупили всю красную краску, потому что срочно стали «левыми»).

Эти злые паразиты.
Все они в течение суток
Перекрасили ланиты
Наподобье проституток.
И левея свыше меры
Повернувшись в миг на пятке
То в эсдеки, то в эсэры
Прут в упрощенном порядке.⁵⁰

Эти «перебежки» только первые признаки начинающейся ожесточенной борьбы за власть. Грандиозные перемены всколыхнули всю Россию. Но главные события происходят на западе, «в центре». Трудно поверить, что Чудакову не хотелось самому в них участвовать.

В апреле 1917 г. на страницах «Амурского эхо» несколько раз появляется объявление: «Продаются книги из библиотеки Ф.И. Чудакова (Амурца) — преимущественно классика и исторический отдел. Там же продаются мужское меховое пальто, швейная машинка, детская кроватка и другое. Соборная, дом Курочкина, между Графской и Торговой» (сейчас — Октябрьская, между Калинина и Б. Хмельницкого; возможно, это последний адрес Чудаковых — Ред.). Обычно вот так, разом, вещи продают, когда срочно нужны деньги — или для решения каких-то проблем, или при отъезде. Что заставило Чудаковых расставаться даже с книгами, неизвестно. В сохранившихся (увы, немногочисленных) номерах изданий, в которых печатался Чудаков, с июля по ноябрь 1917 г. его публикаций не нашлось. Может быть, он, в самом деле, был в отъезде...

...В ноябре к власти приходят Советы. Чудаков откликается на это стихотворением «Хозяин, ау!?!», где в образе «хозяина земли русской» представлено Учредительное собрание.

Возвратившись из отлучки,
Он к воротам подходил, —

⁵⁰ Амурское эхо. 15 (28) марта 1917.

Глядь, а дом во власти кучки
Безответственных громил.
Двор заплеван и загажен,
На дрова порублен сад
И разит на 300 сажень
Спиртуозный аромат.
Все, стоявшее на полках,
Все разбито на куски,
А в стенах, в укромных щелках,
Завелися пруссаки.
Все, от центра до окраин
Перевернуто вверх дном...
Что-то сделает хозяин?
А увидим... Подождем.⁵¹

19 ноября, приветствуя от имени амурской прессы участников первого чрезвычайного заседания Амурского областного земского самоуправления, Ф.И. Чудаков сказал: «Заслуги печати в долгой борьбе за земство огромны: многие в области только благодаря ей и узнали о необходимости и значении земства для края. За земство печать боролась все время, начиная с «Амурской газеты» и «Амурского края». Печать много уделяла времени земству и после революции помогала организовать его. И теперь мы, когда наши мечты сбылись, не скажем «ныне отпускаеши раба твоего», — теперь нам предстоит огромная совместная работа, к которой вас призываю.

Лично от себя высказываю надежду, что работа земства будет такова, что о ней не придется писать в «Маленьком фельетоне» (продолжительные аплодисменты).⁵²

Амурское земство успело сделать только первые шаги: наметили структуру, распределили полномочия, определили главные направления деятельности.

5 января 1918 г. временный исполком Совета рабочих и солдатских депутатов возглавил Ф.Н. Мухин. 13 января 1918 г. он был утвержден председателем исполкома Совета.

⁵¹ Народное дело. 28 ноября 1917.

⁵² Известия Амурского областного земского самоуправления. 10 декабря 1917.

Семья Чудаковых.

14 января 1918 г. в Благовещенске вышел первый номер журнала «Дятел, беспартийный».

Это детище Чудакова. Учитывая невероятную популярность сатирика, его журнал (еженедельное литературно-сатирическое издание) стал для «мухинской власти» вроде бомбы: каждый новый номер «Дятла...» буквально взрывал ее. Материала для едких комментариев больше чем достаточно.

«Если могут законодательствовать ослы и мулы, то почему не сказать своего слова и мне?», — заявляет «Дятел». Пародируя распоряжения новой власти, он предлагает «Декрет об отмене погоды» («Повсеместно погода отменяется»), «Декрет о национализации блох», «Декрет о здравом смысле» («Здравый смысл отменяется. Навсегда»).

Или вот якобы официальное сообщение: «Доводим до сведения населения, что позавчера у подворотни дома №165 состоялся митинг кобелей Соборной улицы, на коем решено: упразднить ошейники, ...ношение хвостов допустить только

крюкообразное с небольшим уклоном в левую сторону, ...старую систему обнюхивания заменить на новую, более демократичную. По вопросу об отношении к власти резолюция: «Долой!» Председатель Полкан. Секретарь — Максимка» (так звали любимую собаку Чудакова).

В «Хронике прогресса» (один из постоянных разделов журнала) читаем: «За январь 1918 года в Благовещенске зарегистрировано краж 44, поранений 11, ограблений 18, убийств и самосудов 17. В области: земств разогнано 8, школ закрыто 2, открыто — 0, лекций прочитано — 0, молотилок сделано — 0, резолюций вынесено — 1458».

Убежденный социал-демократ, по социальному положению «пролетарий умственного труда», по достатку человек, скорее бедный, чем обеспеченный, Чудаков — ярый противник и язвительный критик новой власти. Их неприятие — власти советов и поэта — взаимно. Стихия революции не признавала за своих не только богатеев-буржуев, но и «тилигентов», большую часть которых на Амуре составляли сосланные революционеры. В число контрреволюционеров Чудаков попал автоматически.

Не будь этого, он сам бы выбрал место в оппозиции режиму. Ведь в ходе пролетарской революции попорванными извращенными оказались идеи свободы, счастья, равенства и братства, ради достижения которых Чудаков, тысячи таких, как он, «по централам вшей кормил, на Вилюе волком выл». Из почти святого мученичества, жертвенности и верности идее политическая борьба стала предметом купли-продажи. «Дятел» словами Чудакова писал об этом так.

Кто был доселе апатичным,
Ко всем «движеньям» безразличным,
Тот делался весьма приличным
«Эсером» иль «меньшевиком».
Кто зубы грешных кулаком
Дробил на всякие манеры,
В большевики или эсэры вступил
Без всяких лишних слов.
Кто за подлоги был в остроге,

---

⁵³ Дятел, беспартийный. 1918. №1.

Кто был в остроге за поджоги...,
И рысью с места в демагоги.

И в то же время Чудаков не из тех, кто рвется в гущу сражения. «Я бы... предпочел свой уголок в редакции. Сидишь там, работаешь, уютно, тихо...», — мечта Чудакова, озвученная одним из героев его пьесы «Изгнанники». Но, как и всю сознательную жизнь, чувство долга заставляет его наперекор собственным желаниям и интересам «идти на баррикады», потому что («О, Отчизна дорогая! О, народ! Родной, любимый!») народ снова без маяка, без направления, оболванен и обманут. В умах и душах простых людей смятение: что происходит, кому верить, кто прав? И, конечно, много страха, потому что угрозы, аресты, расстрелы... Чудаков как будто того страха не ведает и говорит, как есть.

Они протиснулись вперед,
Топча тела героев,
И к бездне повели народ,
Кровавый пир устроив.

... Почему

А на слово «штык» и «крик»
Служит рифмой «большевик»?
Почему солдат воюет
Не с врагом, а брата дует?⁵⁴

Ах, недолго ждать развязки
Этой жутко-страшной сказки.
Это плод лишь опьяненья
Молодым вином свобод.⁵⁵

Так поначалу считал Чудаков, к нему присоединялись многие. Действовали по-разному. Одни спешили что-нибудь урвать, другие надеялись где-нибудь пересидеть. Чудаков задибался, критиковал, кстати, не только большевиков, и строил планы на будущее. Издавая почти в одиночестве «Дятла...», одновременно он редактировал ежедневную большеформатную народно-социалистическую газету партии социалистов-революционеров «Голос

---

⁵⁴ Там же. 1918. №3.

⁵⁵ Там же. 1918. №6.

труда». Объявил подписку на оба издания на 1918 год. Планировал в ближайшее время издать отдельной книжкой пьесу из жизни ссыльных «Изгнанники» и выпустить серию книжек, посвященных произведениям амурских авторов. Умирать не собирался.

Но трудно человеку вынести бессмысленность страданий.

«Уходим честными и чистыми».

26 февраля вышел очередной номер «Дятла, беспартийного» (тогда еще никто не знал, что для редактора-издателя он будет последним).

28 февраля началось наступление на город 12-тысячного отряда, собранного большевиками.

«Перед наступлением из Астрахановки он (Чудаков) заходил в редакцию «Голоса труда», — вспоминает благовещенский журналист Михаил Катаев. — Узнав, что там хотят предпринять какие-то шаги к предотвращению кровопролития, Федор Иванович, бледный, осунувшийся, страшно расстроенный, потрясенный до последней степени, сдавленным, отрывистым голосом сказал:

— Поздно... уже... пулеметы ... работают...

И в глазах у него стояли слезы, и вся его фигура выражала глубокую, не передаваемую никакими словами печаль и острую душевную муку. ...В самый разгар уличной бойни Федор Иванович сидел в своей квартире со своей великой душевной скорбью... Домовладелица и другие знакомые приносили жуткие вести о гибели друзей Ф.И., об убийствах безоружных граждан в их квартирах, грабежах и всяческих насилиях, и издевательствах, о валяющихся на улицах раздетых догола трупах «буржуев», о залитых кровью стенах и тротуарах...»⁵⁶

Среди погибших много знакомых Чудакова: с кем-то еще на днях обменивался новостями, встречался в редакции или на заседаниях в думе, кого-то критиковал, о ком-то писал...

Дар предвидения или же чрезвычайно ясное понимание происходящего утвердили Ивана Федоровича в том, что «кроваво страшная сказка» только начинается и война захватчиков с собственным народом продлится долгие годы. Сохранить жизнь можно было только ценой предательства: записаться в правящую партию, отречься, как от врагов, от товарищей по тюрьмам и ссылкам,

⁵⁶ Федор Чудаков. Указ. соч. С. 542.

и в любом случае воевать против народа. Предательству Чудаков предпочел смерть... Утром 1 марта погибших обнаружил родной брат Чудакова.

«В Благовещенске, на фоне печальной гражданской войны, покончил с собой, своей женой и ребенком, девочкой 8 лет, талантливый поэт-сатирик, краса и гордость журнальной братии Сибири Федор Иванович Чудаков — редактор органа благовещенских социалистов-революционеров «Народное дело», сатирического журнала «Дятел, беспартийный», известный под псевдонимами Язва, Амурец, Федор Ч., — откликнулась на гибель поэта хабаровская газета «Приамурская жизнь». — Федор Иванович — сын народа, вышедший из самых темных низов его, был одарен исключительными способностями, пользовался большой известностью, как высокоталантливый поэт и сатирик, достойный почетного места на русском Парнасе. Не мог он перенести того, что творится по всей России и что происходило в Благовещенске, не смог перенести той борьбы, которая ведется против интеллигенции и против социалистических партий к одной из коих он и сам принадлежал.

Он всю жизнь — с ранней юности — подвергался гонению со стороны царских сатрапов и жандармов и теперь, после года революции, ему представлялась перспектива ареста своими бывшими товарищами.

И этого «душа поэта не вынесла»!

Он слишком мало наслаждался свободой, чтобы мог легко соглашаться на новый арест.

...Величайшая, ничем не заменимая утрата, эта смерть.

Замолчал чуткий лирик и талантливый сатирик.

Край наш потерял великого человека.

Прощай, великая и чуткая душа и прекраснейшая жемчужина края».⁵⁷

В том же номере «Приамурской жизни» опубликованы письма Ф.И. Чудакова, написанные им перед смертью. Одно — обращение к подписчикам журнала «Дятел, беспартийный»: «Друзья мои! «Дятел Беспартийный» умер. Он потерял способность смеяться и решил, что больше не может жить.

⁵⁷ Приамурская жизнь. 22 марта (9 апр.) 1918.

Простите, что я не выполнил перед вами своих обязательств: я остаюсь должником перед вами. Кто желает получить обратно деньги за не высланные номера журнала, пусть обратятся к моему брату Дмитрию Ивановичу, которому я оставил свои распоряжения»...

Другое письмо — к брату. «... Умираем радостно. Впереди видим много лет скорби и муки. Подличать и приспособливаться не желаем. Тебе, как рабочему, легче пережить совершающееся. И ты не имеешь права следовать нашему примеру по причинам, которые сам легко поймешь.

Пишу я это в состоянии полного примирения с недалеким грядущим. Жить больше не вижу возможности. Думаю, что прожил свою жизнь честно, сделал для народа все, что был в силах, и теперь, видя, что народ идет по ложному пути, ухожу от жизни. Думаю, что и это честно».

И последняя записка: «Прощайте. Уходим от вас честными и чистыми, на наших руках нет крови. Будьте счастливы! Да здравствует разум!» Под текстом идеальным почерком поставлена витиеватая подпись «Федор Чудаков». Еще ниже его же почерком написано «В.И. Чудакова» (наверное, к этому моменту она уже была мертва).⁵⁸

Русский философ первой половины XX в. Николай Бердяев в работе «О самоубийстве» писал: «Самоубийство совершается в особую, исключительную минуту жизни, когда черные волны заливают душу и теряется всякий луч надежды... Если бы самоубийца в роковую минуту способен был думать о других и совершить для других жертву, рука бы его дрогнула и жизнь его была бы

Обложка журнала
«Дятел, беспартийный».

⁵⁸ Там же.

спасена».⁵⁹ Парадокс и ужас поступка Федора Чудакова видится в том, что, решаясь на самоубийство и убийство (!), он «способен был думать о других». О жене и дочери, которых он не мог защитить от надругательства и смерти. Бежать, как многие бежали, за Амур, значило обречь родных на нищенское существование (чем поэт мог заработать на чужбине?) и только продлить их муки.

Но также, если не страшнее, терзала душу Чудакова и сугубо личная трагедия окончательного крушения идеалов. «...Я всю жизнь отдал служению одной идее и вот мне говорят, что вся наша работа была огромным недоразумением, и она... погубила революцию. Погубила! Значит, я палач революции. Я, всю жизнь отдавший ей, я был только ее палачом. Если бы это говорили идейные враги, это понятно было бы. Но ведь это товарищи...» — горькие строки из «посмертной», как ее называли издатели, пьесы Чудакова «Изгнанники».

Очередной номер журнала «Дятел, беспартийный» по графику должен был выйти в свет 24 февраля (ст. ст.). Федор Иванович его подготовил, но почему-то не стал печатать. 28 февраля Чудакова не стало. Последнего «Дятла...», очевидно, подготовил к печати брат Дмитрий. Он очень рисковал, потому что помимо последних записок Чудакова, его воспоминаний о пережитом, окончания повести «Дочь шамана» в номере опубликован рассказ «Винт (По Чехову)», в котором в смешном виде выставлен сам Мухин! «В одну скверную февральскую ночь Мухин возвращался с обыска. Ехал он в автомобиле и размышлял о той пользе, которую приносили бы обыски для дела революции, если бы можно было обыскать не только здешних буржуев, но и читинских». ... Дальше о том, как в исполкоме играют в карты. В колоде не дамы с валетами, а деятели разных партий, действовавших в Благовещенске. Среди них и Мухин. Сначала он лишь наблюдает за игрой, а затем и сам в нее с азартом включается. Он — туз в этой игре.

За такое могли бы застрелить. Но было не до журнала: «Товарищ Мухин в автомобиле поехал по улицам города с целью предотвратить излишние эксцессы».⁶⁰

⁵⁹ Бердяев Н.А. О самоубийстве. М., 1992. С.11.

⁶⁰ ГААО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

После смерти.

...В благовещенской газете «Известия областного Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» от 8 (21) марта 1918 г. в списке убитых в дни гражданской войны «на частных квартирах» фамилия Чудакова значится под номером 75. Его жена и дочь в этом списке отчего-то отсутствуют.

Семью Чудаковых похоронили 4 марта. В метрической книге кладбищенской Вознесенкой церкви записано: гражданин (не ссыльнокаторжный!) Пензенской губернии Федор Иванов Чудаков, 29 лет (в феврале 1918 ему исполнилось 30 лет), застрелился. Варвару Ипполитовну записали гражданкой той же губернии и возраст поставили тот же — 29 лет, хотя она была на год младше мужа. «Дочь гражданина Пензенской губернии Наталья Федоровна Чудакова, 6 лет». В графе «От чего умер» у матери и дочери написано «убита». В графе «Кто исповедовал и приобщал» у всех стоит прочерк. В графе «Кто совершал погребение и где погребен» отметка: «Священник Леонид Знаменский с дьяконом Стефаном Бухтояровым на гражданском кладбище (Вознесенском) по отношению (разрешению) Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 16 марта 1918 г. за №7895».⁶¹

В те скорбные дни таких отношений выданы сотни. На Вознесенском кладбище жертв гражданской войны хоронить начали первого марта: петроградский гражданин Н.А. Коробка, 45 лет; гражданка Овсянковской волости Амурской области А.А. Грибанова, 24 года; гражданин Озурчетского уезда Кутаисской губернии А.Л. Керкадзе, 34 года; сын гражданина г. Варшавы Я.И. Ивановский, 13 лет; гражданин г. Благовещенска Л.А. Подлесов, 17 лет; гражданин г. Благовещенска М.Т. Куприяненко, 20 лет... Всего 81 человек. Последняя запись с пометкой «убит во время гражданской войны» сделана 22 марта.⁶²

Почему так долго? После разгрома «мятежа» в городе хозяйничали «идейные» представители советов, а еще больше — обычные бандиты: проводили обыски, реквизиции, аресты и, упиваясь безнаказанностью, продолжали убивать. Опасаясь подобной

⁶¹ ГААО. Ф. 29-И. Оп. 3. Д. 1235. Л. 190.

⁶² Там же. ЛЛ. 188–198.

расправы, благовещенцы стали хоронить родных тайком, как богатого купца и поэта Федора Коротаева (язвительный тезка Коротаева Чудаков писал о нем — «известный идеальный наш поэт»). Гроб с его телом везли на кладбище в обычной телеге. Жена его, Надежда Захаровна, провожала мужа в последний путь в одиночестве, идя в отдалении, по другой стороне улицы...

Несмотря на подавленное и тревожное настроение, царившее в городе, несмотря на опасность быть убитым, на похороны семьи Чудаковых собралось очень много публики. Подробно об этом написала хабаровская газета «Приамурская жизнь» «К четырем часам дня к бывшей квартире Чудаковых набралось свыше 300 человек. Около церкви сопровождавших было уже около 500 человек.

Лежавшие в гробах умершие были обложены множеством живых цветов. Гробы несли на руках близкие Ф.И. и его почитатели. Тут были и рабочие-печатники, и металлисты, и служащие, и учителя... Было несколько венков, из которых особо выделялся венок с широкой красной лентой, имевшей надпись «Дорогому товарищу, поэту-социалисту. Благовещенский комитет Российской Социал-Демократической рабочей партии».

Простые белые гробы, простая, скромно одетая публика, — вот картина похорон замечательнейшего народного амурского поэта! Без помпы, без искусственной пышности несли друзья на кладбище последние останки лирика и юмориста. Над могилой поэта не было сказано никаких речей, ибо все были слишком подавлены утратой всеми любимого человека.

Федор Иванович похоронен на Вознесенском кладбище рядом с могилой известного народовольца Манучарова; его жена и девочка погребены вместе с ним в одной могиле».⁶³

...Уже в начале марта в газете «Голос труда», позже — в журнале «Чайка», который выходил в Благовещенске в 1918 г., была опубликована пьеса «Изгнанники». В том же году она вышла отдельным изданием. В марте 1918 г. «Голос труда» анонсировал постановку пьесы режиссером А.В. Добровольским. Планировалось, что в спектакле «примут участие лучшие любительские силы. Чистый сбор поступит на памятник покойному поэту».

---

⁶³ Приамурская жизнь. 23 (10) марта 1918.

Буквально через неделю после похорон семьи Федора Чудакова, группа товарищей решила установить ему памятник и начала сбор средств (одновременно члены благовещенского общества врачей планировали установить памятник главному врачу благовещенской городской больницы А.В. Воскресенскому, убитому 27 февраля). «Благовещенский комитет Российской Социал-Демократической Рабочей партии призывает товарищей и всех граждан, уважающих память амурского поэта и социалиста, прийти на помощь по созданию памятника Федору Ивановичу Чудакову. Сбор пожертвований открыт при редакции «Голос труда».⁶⁴ Деньги сдавали по 1, 3, 5, 10 рублей: «Служащими дорожного отдела (бывшее Переселенческое управление) пожертвовано 40 рублей; от неизвестной через разносчика Зейского района поступило 3 рубля; от товарища рабочего 5 р.». Всего до конца года удалось собрать 880 рублей. Они поступили в распоряжение комитета по сооружению памятника.⁶⁵

Нашлись те, кто поспешил... заработать на имени Чудакова. Неизвестная нам Софья Баженова в сентябре 1918 г. в благовещенской газете «Земля и сотрудничество» публикует заметку под заголовком «Чайка и «Чайка». А в ней называет М.Ф. Катаева, редактора-издателя журнала «Чайка», лицемерным плакальщиком. С мая по сентябрь вышло пять номеров этого журнала. В каждом напечатано что-то о Чудаковых: призыв сбора средств на памятник, посмертное письмо, портрет семьи. «И все это, — пишет С. Баженова, — пересыпано произведениями самого Катаева, плоскими, как стертая монета. Будь жив Чудаков, плохо пришлось бы от остроумного сатирика Катаеву. Но Чудакова нет, значит катай его. ...Благо, читатель Чудакова любит, и что бы не преподнесли ему во имя Амурца, все охотно купит и скушает. Бедная светлая Чайка, над трупом которой творит свою черную воронью мессу погромное ханжество»...⁶⁶

...Название последней пьесы Чудакова «Изгнанники» оказалось пророческим. Через год после бойни, в феврале 1919 года, анонс спектакля «Изгнанники» на странице газеты «Земля и

⁶⁴ Голос труда. 29 (16) марта 1918.

⁶⁵ ГААО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.

⁶⁶ Земля и сотрудничество. 15 (2) сентября 1918.

сотрудничество» оказался в окружении объявлений о панихидах по погибшим. В те дни на всех кладбищах, во всех церквях города, во многих учреждениях и частных домах — повсеместно — поминали убиенных. Изгнанниками стали и они, погибшие, и те, кто оказался в эмиграции, и те, кто остался в России, потому что жили они уже не в прежней Российской империи — при новом строе.

Товарищи и поклонники творчества Чудакова еще не оставляли надежды увековечить память поэта. Представители учительского сообщества, Народного дома, Общества по изучению Сибири и местной прессы организовали комитет (заседание прошло 10 марта 1919 года) и решили: первое — в саду Народного дома установить памятник поэту; второе — в одном из высших учебных заведений учредить стипендию имени Чудакова.⁶⁷ Почему не удалось реализовать задуманное? Возможно, власти не утвердили комитет, а без этого он не мог действовать. Может быть, просто не сохранилось никакой информации.

И еще одно сообщение об «Изгнанниках» нашлось в этом номере газеты «Амурское эхо». Театр Общественного собрания анонсировал два спектакля по посмертной пьесе Чудакова, которые планировалось показать в весеннем сезоне. Красноречивая деталь: «Билеты засвидетельствованы японским штабом и являются пропуском для возвращения со спектакля». Да, с осени 1918 года до февраля 1920 года в Благовещенске распоряжались японские оккупационные войска, для поддержания порядка они ввели комендантский час, потому и нужен был пропуск. Таким пропуском стал билет на «Изгнанников».

...Все дальше в прошлое уходили трагические события 1918 года, но память о чудесном Чудакове была жива, причем, не только в Благовещенске. В марте 1920 года члены литературно-художественного общества Дальнего Востока провели во Владивостоке вечер памяти Чудакова. Планировали устроить «уголок Ф. И. Ч. при литературно-художественном обществе», часть средств передать в фонд издания его сочинений.⁶⁸

И еще более отдаленное во времени и пространстве объявление в газете «Рупор Харбина»: «К благовещенским читателям.

⁶⁷ Амурское эхо. 12 марта (27 февр.) 1919.

⁶⁸ Амур. Литературный альманах БГПУ. Благовещенск. 2011. №10. С. 98.

13-го марта исполняется 16 лет со дня смерти амурского поэта Федора Ивановича Чудакова. Готовится к выпуску сборник его произведений. Редакция нашей газеты обращается с просьбой ко всем благовещенцам (живущие в Харбине эмигранты называют себя благовещенцами), у которых имеется что-нибудь из напечатанных в свое время стихов покойного поэта или рассказы его, прислать в редакцию с надписью: «Для сборника памяти Ф.И. Чудакова».⁶⁹

...Выйди сборник в свет, может быть, в него включили бы и вот это пронзительно светлое стихотворение Федора Чудакова, подписанное псевдонимом «Чембарский».

Блестящим бисером осыпаны березы,
Как девушки, одетые к венцу,
Они стоят. Задумчивые позы
И зимние одежды им к лицу.
Им шепчут сказки буйные морозы,
Бродящие по снежному дворцу...
И снятся им живительные грозы,
Ковры цветов, жемчужные стрекозы...
Напевы струй, плескание волны...
Весенний сон, бурлящий хмель весны!⁷⁰

---

⁶⁹ Там же. С. 99.

⁷⁰ Эхо. 24 декабря 1910 (6 янв. 1911).